Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17903
EDN: JDABOL

«И меч духовный, который есть Слово Божие»: библейский подтекст в стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Кинжал» и «Поэт»

И. А. Киселева

Государственный университет просвещения
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: irina-sever03@yandex.ru

Аннотация. В статье эксплицируется библейский подтекст стихотворений М. Ю. Лермонтова «Кинжал» и «Поэт», раскрывающих евангельский образ слова как «меча духовного». Указывается на программный характер диптиха, актуализирующий идею служения высшим идеалам как смысл жизни поэта. Через реконструкцию элементов творческой истории произведений обнажается лермонтовская логика рождения художественного образа поэтического слова. Отмечены ведущие тенденции трансформации образного строя стихотворений от черновиков к окончательным редакциям. В процессе работы над стихотворениями конкретность деталей нивелируется, они становятся не элементами бытовой истории, но выходят в символическое измерение. Если в «Кинжале» идея поэтического слова как «меча духовного» выступает на уровне символико-аллегорического подтекста, то в двухчастной структуре лермонтовского «Поэта» первая фабульная часть обнажает своего рода феноменологию вещи, тогда как вторая являет развернутую метафору слова как «меча духовного», причем поэтический образ кинжала в его уподоблении поэтическому слову строится так, что сама метафора становится символом. Актуализация библейских аллюзий в лермонтовских стихотворениях «Кинжал» и «Поэт» придает поэтическому слову онтологическое звучание, раскрывая пророческое предназначение поэта.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Кинжал», «Поэт», динамическая поэтика, евангельский текст, история текста, онтология поэтического слова

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00293 «Лирика М. Ю. Лермонтова 1838–1839 годов: текстология, аксиология, поэтика», https://rscf.ru/project/26-18-00293/).

Для цитирования: Киселева И. А. «И меч духовный, который есть Слово Божие»: библейский подтекст в стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Кинжал» и «Поэт» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 118–138. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17903. EDN: JDABOL

© И. А. Киселева, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17903
EDN: JDABOL

“And the Spiritual Sword, Which Is the Word of God”: The Biblical Subtext in Mikhail Lermontov’s Poems “Dagger” and “Poet”

Irina A. Kiseleva
State University of Education
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: irina-sever03@yandex.ru

Abstract. The article explicates the biblical subtext of Mikhail Lermontov’s poems “Dagger” and “Poet,” which reveal the gospel image of the word as a “spiritual sword.” The author demonstrates the programmatic nature of the diptych, which actualizes the idea of serving higher ideals as the meaning of the poet’s life. Through a reconstruction of the creative history of the works, Lermontov’s logic of the birth of the artistic image of the poetic word is revealed. The principal trends in the transformation of the poems’ figurative structure from drafts to final editions are identified. In the process of working on the poems, the concreteness of the details is effaced: they cease to be elements of everyday history and enter a symbolic dimension. If in “Dagger” the idea of the poetic word as a “spiritual sword” appears at the level of symbolic and allegorical subtext, then in the two-part structure of Lermontov’s “Poet” the first plot part exposes a kind of phenomenology of the thing, while the second presents an extended metaphor of the word as a “spiritual sword”; moreover, the poetic image of the dagger in its likening to the poetic word is constructed in such a way that the metaphor itself becomes a symbol. The actualization of biblical allusions in Lermontov’s poems “Dagger” and “Poet” gives the poetic word an ontological resonance, revealing the poet’s prophetic purpose.

Keywords: Mikhail Lermontov, “Dagger”, “Poet”, dynamic poetics, Gospel text, history of the text, ontology of poetic word

Acknowledgments: The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00293, https://rscf.ru/project/26-18-00293/).

For citation: Kiseleva I. A. “And the Spiritual Sword, Which Is the Word of God”: The Biblical Subtext in Mikhail Lermontov’s Poems “Dagger” and “Poet”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 118–138. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17903. EDN: JDABOL (In Russ.)

Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Кинжал» (1838)[1] и «Поэт» (1838), несмотря на их, казалось бы, хрестоматийный характер, как правило, остаются на периферии научного интереса. Очевидные смыслы стихотворений, устоявшиеся в школьной трактовке в рамках тем «пророческое служение», «поэт и толпа», «гражданственность», связаны с проблемой неприятия толпой поэта как проводника истины и ограничиваются констатацией этого положения и призыва. Современные исследователи при рассмотрении указанной тематики в центр научного интереса ставили стихотворение «Пророк» (см.: [Зырянов], [Киселева, 2020], [Москвин, 2016], [Ямадзи] и др.). При этом следует признать, что именно стихотворение ««Поэт» на многие десятилетия определило программные линии (такие, как гражданственность, ответственность за поэтическое слово) русской поэзии, реализуемые в разной степени и направлениях в творчестве крупнейших русских поэтов последующей поры (Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, С. А. Есенин)» [Шевцова: 398]. В словарной статье «Лермонтовской энциклопедии», анализируя стихотворение «Поэт», О. В. Миллер отмечала, что «антитеза «поэт и толпа» уступает здесь место совершенно иному повороту темы: его герой — не вдохновленный свыше поэт, чуждый толпе и не понимаемый ею, а выразитель нар<одных> дум, «могучие слова» к<ото>рого жадно ловит толпа» [Миллер]. Иной вектор толкования стихотворения намечен в исследовании П. В. Спиваковского, которое является едва ли не единственной собственно научной статьей, сосредоточенной сугубо на указанном тексте. Вопреки сложившейся традиции его понимания в аспекте идеи гражданственного служения поэта, исследователь увидел здесь проявление «радикального индивидуализма» Лермонтова и дал поэту жесткую отповедь — ««пророк самого себя»,

[1] В истории публикации стихотворения «Кинжал» вопрос о его датировке решался неоднозначно — в разные периоды издатели указывали 1841, 1837, 1838 гг. Наиболее убедительной представляется версия издания Лермонтова 1954–1957 гг., в котором стихотворение датировано 1838 г., так как его черновой автограф «находится на одном листе с посвящением к "Казначейше", написанным, видимо, в начале этого года» [Лермонтов, 1956: 337]. Список, с которого, по всей вероятности, сделана первая публикация «Кинжала», не имеет значимых отличий от последнего слоя написанного в 1838 г. черновика, хотя следует признать, что импульсы для создания стихотворения возникли в конце 1837 г.

стремящийся к власти» [Спиваковский: 56]. Подобное понимание лермонтовского текста, связанное с мифами о демонизме и богоборчестве поэта, контрастирует с авторитетными исследованиями, которые доказывают присутствие «у Лермонтова целого ряда тем, образов, сюжетных мотивов, восходящих к конкретным текстам Священного Писания и выразивших христианские черты художественного мира поэта» [Ходанен: 42], вступает в диссонанс с художественной системой поэта. Толкование П. В. Спиваковского разрушает единое смысловое поле стихотворений «Кинжал» и «Поэт», образная общность которых очевидна. Кроме того «значит<ельное> сходство есть и в стиховой форме обоих произв<едений>: 6–5–4-стопному ямбу "Кинжала" соответствует 6–4-стопный ямб "Поэта" при одинаковой перекрестной мужско-женской рифмовке» [Миллер]. Следует учитывать и мнение Д. Е. Максимова, что с 1835 г. в художественном мире Лермонтова «устанавливается моральный контроль над героями-индивидуалистами» [Максимов: 58].

Поставленная в стихотворении «Поэт» проблема смысла жизни художника являлась значимой для Лермонтова на протяжении всего его творчества. Уже в ранний период юный Лермонтов прокладывает путь от традиционной для романтизма идеи поэта-избранника к той трагической концепции поэта-пророка, которая станет центральной в его зрелой лирике. В раннем программном стихотворении «1831-го июня 11 дня» юный поэт прямо связывает свое словесное творчество с духовным деланием:

> «Но верю им! — неведомый пророк
> Мне обещал бессмертье…» [*Лермонтов, 2014*: 153].

Слово как материя поэтического дара здесь впервые выступает средством преодоления смерти — «для небесного могилы нет» [Лермонтов, 2014: 153]. Однако в 1831 г. у Лермонтова еще не находится такого емкого образа поэтического служения как кинжал, хотя примерно в эти же годы появляется стихотворение В. Г. Бенедиктова «Прощание с саблею» (1831/1832), по образному строю перекликающееся с лермонтовским «Поэтом»:

«— "О нет, я тебя не оставлю в забвенье,
Нет, друг мой железный! Ты будешь со мной;
И, ржавчине лютой не дав на съеденье,
Тебя обращу я в кинжал роковой,
И ловкой и пышной снабжу рукоятью,
Блестящей оправой кругом облеку,
И, гордо повесив кинжал над кроватью,
На мщенье коварству его сберегу!"»[2]

Б. М. Эйхенбаум полагал, что «главная сила удара направлена здесь (в стихотворении Лермонтова "Поэт". — *И. К.*) против стихотворений Бенедиктова, пользовавшихся в эти годы большим успехом» [Эйхенбаум: 53]. Хотя исследователь, как представляется, несколько преувеличивает ситуацию противопоставления — скорее можно говорить об оригинальном развитии темы. У В. Г. Бенедиктова сабля/кинжал, являясь символом сражения с неправдой и грехом, присущими падшему миру, прямо не уподобляются поэтическому слову — подобное допущение обретает смысловую плотность лишь в интертекстуальном поле, так же как и в случае со стихотворением Лермонтова «Кинжал», где оружие становится «воплощением душевной стойкости и чистоты» [Алпатова: 222]. Очевидно, что художественное творчество поэта — «это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин: 247], и в случае с образом кинжала у Лермонтова сонм функций и характеристик возводит лермонтовский диптих (стихотворения «Кинжал» и «Поэт») к библейскому образу из послания апостола Павла: «…и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:17).

Значимой в случае со стихотворением «Кинжал» представляется и сама традиция заглавия. М. С. Крутова отмечала, что в названиях книг духовного содержания «хорошо представлена военная лексика, в частности лексика вооружения: броня, щит, меч, копье, стрела, лук», добавляя, что «все эти слова встречаются в текстах Священного Писания и являются духовными символами» [Крутова: 55]. В связи с рассматриваемой темой интересным представляется сборник проповедей

[2] Бенедиктов В. Г. Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 51–52. (Сер.: Б-ка поэта. Большая серия.)

архиепископа Лазаря (Барановича) «Меч духовный, еже естъ глагол Божий на помощь Церкви воюющей, из уст Христовых поданный»[3] (1666), который, несмотря на нелицеприятную оценку патриархом Никоном, получил широкую известность с конца XVII в.: «…в то время сеть духовных библиотек России была пресыщена сборниками проповедей Лазаря Барановича» [Матушек: 19]. Знакомство Лермонтова с книгой не исключено, но и не очевидно, однако рецепция книги была довольно широкая. Так, Симеон Полоцкий написал четыре эпиграммы на сборник, в которых «ключевое слово, взятое из заглавия (меч), повторяется в четырех стихах 16 раз (включая и неологизмы "мечекователь" и "мечатворец")» [Матушек: 22]. Симеон Полоцкий также разворачивает образ меча как *слова* с опорой на приведенные архиепископом Лазарем (Барановичем) евангельские цитаты и сам его труд:

> «На брань духовну се есть мечь духовный
> словесной твари, не железный, словный»[4].

Можно привести немало примеров из житий, проповедей, светской литературы, осмысляющих духовный путь и предназначение человека, где встречается мотив слова как *меча духовного* (*кинжала*).

Б. М. Эйхенбаум отмечал, что стихотворение Лермонтова «восходит к стихотворению Пушкина "Кинжал" (1821)» [Лермонтов, 1936: 193], которое В. Д. Спасович определял как «близкое подражание другому, сверх Байрона, властителю дум Пушкина в то время, а именно Андрею Шенье»[5], и в частности его оде «Шарлотте Корде, казненной 18 июля 1793 года», где французский поэт восклицает:

[3] Лазарь (Баранович, архиеп. Черниговский и Новгород-Северский; 1620–1693). Меч духовный… или Книга проповеди слова Божьего. Киев: Тип. Лавры, 1666 [7174]. 481 л. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004085062?page=1&rotate=0&theme=white&inversion=off (10.08.2026)

[4] Симеон Полоцкий. Вирши. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 288.

[5] Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова. Из эпохи романтизма // Вестник Европы. 1888. Кн. 3. С. 61.

> “Ô vertu! le poignard, seul espoir de la terre, / Est ton arme sacrée…”[6] («О добродетель! Кинжал — единственная надежда земли, / Твое священное оружие…» (пер. с фр. мой. — *И. К.*)).

Но если у А. Шенье, и затем у Пушкина («Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона, / Свершитель ты проклятий и надежд…» [Пушкин: 173]) кинжал предстает в его карающей роли по отношению к земной неправде — оба стихотворения пронизаны пафосом гражданственности, — то у Лермонтова акценты смещаются. Поэт «развивает пушкинскую мысль в соответствии с особенностями своего гения, с характерным для него акцентированием внутренних процессов, происходящих в душе человека определённого исторического периода, и смещением внимания с события на душевное состояние участников» [Киселева, 2024: 51].

При всей важности идеи гражданственности для Лермонтова, что настойчиво звучит в его ранней лирике и манифестируется в «Думе» (1839), концептуальное наполнение образа *меча*/*кинжала* как метафоры поэтического слова происходит у Лермонтова более под влиянием личных и онтологических размышлений, чем общественно-политических. Более того — такова позиция самого Лермонтова, видящего причины всех внешних явлений в духовном состоянии человека и общества. Как впоследствии в «Герое нашего времени» он напишет о том, что «история души человеческой» может быть «едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [Лермонтов, 1957: 249], так и в диптихе, образующемся из стихотворений «Кинжал» и «Поэт», метафора «меча духовного» в масштабности его осмысления как Слова Божия в устах поэта образуется из идеи передаваемого в слове личного опыта. Показательна в этом отношении история текста стихотворения «Кинжал», которое предшествовало созданию стихотворения «Поэт» и, по всей вероятности, было неким индивидуально-творческим смысловым ядром, из центрального образа которого выросло более позднее стихотворение.

[6] Chénier A. Œuvres complètes. Paris: Foulon et Compagnie, Libraires: Baudouin Freres, Libraires, 1819. P. 213.

Самый ранний вариант стихотворения «Кинжал» — черновой автограф (*ЧА*) в Чертковской тетради[7] со множественной правкой, запечатлевшей трансформацию замысла поэта. Существует также рукописная копия стихотворения, соответствующая публикации в «Отечественных Записках» (1841) А. А. Краевского (ОЗ)[8] и имеющая лишь небольшие разночтения с *ЧА* (см. Табл. 1):

Таблица 1[9]
Table 1

№ стиха	*ЧА*	*ОЗ*
5	*Тебя мне поднесла лилѣйная рука* а) *Лилѣйная рука тебя мне поднесла*	Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
6	*Въ знакъ памяти въ минуту разставанья.* а) *И очи черные, твоей подобно* стали* б) *въ знакъ памяти на вѣчную разлуку***; в) *въ знакъ памяти на разставань<е>* * Вместо: *подобно* — было: *под<об>но* ** В рукописи описка: *разлуки*	Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,

[7] Лермонтов М. Ю. Кинжал (черновой автограф) // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 227а (Чертковская тетрадь). Л. 43 об.

[8] См.: Лермонтов М. Ю. Кинжал (Список) // РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 17–17 об. (далее: *Список*), ср.: [Алпатова]; опубл.: Лермонтов М. Ю. Кинжал // Отечественные Записки. 1841. Т. XVI. № 6. Отд. III. С. 234.

[9] В таблице первым передается окончательный, последний, вариант стиха; далее под буквами — предыдущие слои рукописи, в хронологическом порядке.

7	*И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла* а) *То вдругъ тускнѣли, то свѣркали —* б) *Въ то<тъ> мигъ тускнѣли и свѣркали* в) *Какъ жметъ теперь тебя моя рука* г) *И въ первый разъ вдоль по тебѣ текала*	И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла
8	*А чистая слеза, жемчужина страданья* а) *И надпись мнѣ твою красавица прочла;* б) *Такъ я пожалъ ту бѣленьку<ю> руку*: в) *Такъ я пожалъ ту молодую руку*: г) *а чистая слеза невольнаго страданья*	Но свѣтлая слеза — жемчужина страданья

В вариантах чернового автографа особое место занимает портретная зарисовка. Третий вариант седьмого стиха добавляет опыт тактильного общения: рукопожатие и передача кинжала становится своеобразным материально закрепленным фактом душевной близости. В пятом варианте седьмого стиха и четвертом-пятом вариантах восьмого стиха впервые появляется евангельская аллюзия, связанная с оппозицией Ветхого и Нового Заветов: крови («не кровь вдоль по тебе текла») как символу мести, ветхозаветного «око за око» противопоставлена слеза («А чистая слеза невольнаго страданья / А чистая слеза, жемчужина страданья») — символ покаяния, сострадания, новозаветной жертвенности. Акцент смещается с трагедии потери-разлуки на духовный дар. Это тонкое стилистическое различие связано с ведущей тенденцией замены насилия на жертвенность. Эпитетами *чистая*/*светлая* (слеза) поэт подчеркивает чистоту и божественное происхождение этой жертвенности. Чистота сердца в Нагорной проповеди ставится условием созерцания Бога: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). В Евангелии от Иоанна Христос

говорит: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12). В православной традиции «свет» — ключевое понятие пасхальной и вообще литургической лексики. Мены седьмого и восьмого стихов напрямую отсылают к идее, что истинная сила — не в насилии, а в духовной стойкости.

Финальная клятва звучит уже в 4-й строфе, в пятнадцатом стихе: «*Да я не измѣнюсь, — я буду твердъ душой*» (*ЧА*). Эти слова уже звучат не как воинский обет, а как обет верности евангельским идеалам. Образ кинжала превращается в образ «меча духовного» (Еф. 6:17) и одновременно —в нравственный императив.

Таблица 2
Table 2

№ стиха	*ЧА*	*ОЗ*
13	*Ты данъ мнѣ — въ спутники — любви залогъ нѣмой,* а) *Ты данъ мнѣ — въ спутники — ты*	Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
14	*И страннику въ тебѣ примѣръ небезполезный;* а) *Вотъ<¿> страннику примѣръ небезполезный;* б) *ты страннику примѣръ небезполезный;* в) *И будь же страннику примѣръ небезполезный;*	И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
15	*Да я не измѣнюсь, — я буду твердъ душой,*	Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
16	*Какъ ты, — какъ ты мой другъ железный*	Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

Финальная строфа стихотворения представляет основную идею текста, телеология которого определяется представлением идеала поэта, заключающегося в душевной стойкости и верности своему предназначению. Стих «Да я не изменюсь — я буду тверд душой» является почти дословной калькой из послания апостола Павла Коринфянам: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (1 Кор. 16:13).

Первые три строфы стихотворения становятся не просто предысторией, а тем самым эмоциональным оправданием и обрамлением, которое позволяет понять, какой сложный духовный путь прошел поэт, чтобы в итоге дать эту клятву. В первых трех строфах поэт выстраивает сюжетную часть текста, которая имеет глубоко личный, исповедальный характер, благодаря чему и финальная строфа окончательного текста не остается абстрактным обещанием. Если пушкинский кинжал был «карающим» оружием свободы, то у Лермонтова он становится «залогом любви». Лермонтов пропускает пушкинский текст через свой личный опыт, переплавляет его в соответствии со своим миропониманием и вводит новозаветные смыслы, показывает, что универсальное, евангельское по духу осмысление символа возможно только через конкретно-биографический опыт. В списке, сделанном для первой публикации стихотворения в журнале А. А. Краевского (абсолютно идентичной копии источника до сих пор не обнаружено), сохранился вариант заглавия — «*Подарокъ*», что акцентировало реальную основу стихотворения. Заглавие зачеркнуто и исправлено на первоначальное «*Кинжалъ*» (см.: *Список*). Сложно установить, кому принадлежит идея иного названия и необходимость его исправления (что касается исправления на исконное заглавие, то здесь, вероятно, все же проявилась воля Лермонтова), но название «Подарок» заостряет индивидуально-личностное, конкретно-биографическое начало текста, снижая при этом символизм заглавия, связанный с идеей уподобления души поэта кинжалу. Оттачивая стиль, освобождая стихотворение от излишне эмоциональных деталей, поэт претворяет этот опыт в одухотворенное общение в пределах этого мира, представляя тем самым кинжал как

символ нравственной чистоты и твердости, но при этом не отказывается от важности личностных встреч в понимании им важности своего служения.

Известно, что в ноябре — декабре 1837 г. Лермонтов, находясь в Тифлисе, лично знакомится с вдовой Грибоедова Ниной (Чавчавадзе). В воспоминаниях Р. Н. Николадзе-Полиевктовой, частично опубликованных В. С. Шадури, говорится о факте общения поэта со вдовой А. С. Грибоедова Н. А. Чавчавадзе, крестницей троюродной тетки Лермонтова П. Н. Ахвердовой — Нина была тронута вниманием М. Ю. Лермонтова «и в знак благодарности решила подарить» ему кинжал «из общей коллекции своего отца и мужа»[10]. Для Лермонтова естественно было воспринять этот подарок как некий образ правоприемства поэтического гражданственного служения. И если в стихотворении Лермонтова «Кинжал» можно говорить только об аллюзии образа кинжала к евангельскому образу слова как «меча духовного», то стихотворение «Поэт» представляет собой развернутую метафору данного образа, через анализ которого смысл стихотворения «Кинжал» проявляется более отчетливо.

Стихотворение «Поэт» необычно по структуре: оно состоит из двух частей, каждая из которых обладает определенной смысловой цельностью. Составляющие первую часть шесть катренов отделены друг от друга короткими отчеркиваниями; гипотетически вторая часть начинается с четверостишия, написанного карандашом с графическим знаком вставки, сделанным позднее чернилами; далее чернилами вписаны еще три четверостишия, которые отделены друг от друга лишь небольшими отступами. В первых шести четверостишиях в свою очередь выделяются две равновесные части: в трех первых строфах изображен мир воинской доблести, где кинжал выполнял свою прямую функцию восстановления справедливости или воинской забавы. В них образ кинжала не имеет христианского измерения. Вторые три строфы констатируют состояние кинжала в бездействии «в походной

[10] За хребтом Кавказа: 160 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова / ред. Т. Буачидзе; сост. В. Шадури. Тбилиси: Мерани, 1977.С. 27.

лавке армянина»[11] и тоску по активной жизни. Примечательно, что в черновике Лермонтов акцентирует историю предмета (кинжала) — от самого его сотворения («*Геурга стараго издѣлье*»[12]), с почти гомеровской любовью к предмету описывает процесс его изготовления, для которого используется «*давно утраченное зелье*»; тогда как окончательная редакция преодолевает границы предметного описания, а сама предметность наделяется неким герменевтическим зазором, который заполнится во второй части образным представлением идеи поэтического слова как «меча духовного».

В первой части стихотворения читателю представлен образ кинжала в его предметной целесообразности: бытие естественной религии чести и мести, которая у Лермонтова в силу восприятия кавказского образа жизни, где языческие обычаи смешивались с утверждающимся исламом, аналогична и ветхозаветному восприятию «око за око». Если же говорить о второй части стихотворения, состоящей из пяти строф, то представляемый мир — христианский, но впавший в лицемерие и потому находящийся в падшем, «ветхом», состоянии. Примечательно, что Лермонтов дважды употребляет слово «ветхий» в стихе 39:

> «*Какъ вѣтхая краса, нашъ вѣтхій міръ привыкъ*
> *Морщины прятать подъ румян<ы>*».

Мир реальной действительности предстает у Лермонтова духовно расслабленным:

> «*Насъ тѣшутъ блестки и об<м>аны*»,

[11] Возможно, что здесь у Лермонтова возникла ассоциация с характерной для армянской христианской культуры идеей прощения и миролюбия. В незаконченной поэме «Тазит» А. С. Пушкина есть строки: «Ты не чеченец — ты старуха, / Ты трус, ты раб, ты армянин!», где слово «армянин» можно рассматривать как синоним слова «христианин». Языческие и принявшие ислам горские племена видели слабость в идее ненасилия, присущей христианской культуре. Хотя, конечно, первичным является реалистический пласт: именно армяне на Кавказе часто занимались торговлей.

[12] Лермонтов М. Ю. Поэт (черновой автограф) // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 227а (Чертковская тетрадь). Л. 61. Далее стихотворение «Поэт» цитируется по данной рукописи.

и осознавая себя как поэт частью этого мира, он мыслит его способным к возрождению, что эмоционально звучит в финальной строфе с ее побудительно-вопросительной интонацией:

«Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ!
иль никогда, на дѣло мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
покрыты<й> ржавчиной презрѣнья?..»

Используемые во второй части стихотворения (8-я строфа) лексемы «фимиам», «молитва», сравнение голоса поэта с восходящим к новгородской вольнице образом — «*колоколъ на башнѣ вѣчевой*» (9-я строфа) — апеллируют к храмовому действу — месту встречи человека с Богом. Эти своего рода литургические жесты разрывают ткань повседневности и отменяют профанный статус места, утверждая его в необходимости причастности к Абсолюту. Г. В. Москвин отмечает, что Лермонтов использует «обращение к сакральным источникам для создания духовных смыслов в своих произведениях» [Москвин, 2025: 98].

Стихотворение строится на контрасте между прошлым и настоящим. Сдвиги в описании, аллюзии к сакральным действиям создают иеротопическое напряжения реальности. Особое место стоит уделить 33-му стиху: «*Твой стихъ к<ак>ъ божій духъ носился надъ толпой*», который содержит прямую аллюзию на книгу Бытия: «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). Примечательно, что 9-я строфа (стихи 33–36) стоит особняком — она была вписана карандашом, тогда как остальной написан чернилами, при этом 33-й стих становится кульминацией мысли о предназначении поэта. Эта аллюзия сакрализует поэтическое слово, уподобляя его творящему Духу.

Сложно согласиться с мнением П. Е. Спиваковского о том, что здесь «поэт явно стремится господствовать над толпой, несмотря на то что подчиняться его слову, очевидно, никто не собирается, и, в частности, за это толпе необходимо мстить», и указанные стихи заменяют «таким образом Святого Духа» [Спиваковский: 61–62]. Подобное суждение разрушает логику развития поэтической мысли в стихотворении и редуцирует

его образную структуру. Именно в «Поэте» слово окончательно предстает как оружие, а поэт — как воин Христов, что отвечает всей художественной системе Лермонтова, способного «открывать силой душевного прозрения вечную, не оскверненную грехом небесную красоту и правду» [Гулин: 10].

Уже в первой части стихотворение насыщается энергией духовного оружия: выгравированные на клинке стихи, подобно словам поэта, укрепляют сердце и душу. Но именно вторая часть представляет собой процесс развертывания метафоры, когда слово Поэта уподобляется не только кинжалу, предстает не только оружием, но и священнодействием, чему способствуют его сравнения с миром сакральным: «фимиам в часы молитвы», «колокол на башне вечевой».

Если в стихотворении «Кинжал» поэт приносит личную клятву:

> «*Да я не измѣнюсь, — я буду твердъ душой,*
> *Какъ ты, — какъ ты мой другъ железный*»,

то в «Поэте» образ кинжала уже является развернутой метафорой поэтического дара. Призыв «*Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ!*» — это не только обращение к себе, но и риторический вопрос, адресованный к погрязшему в лицемерии миру, и одновременно — заклинание, призыв к пробуждению, к тому, что в христианской практике зовется μετάνοια (покаянное изменение ума), к изменению состояния от ветхого к новому. Этот призыв сохраняет свою силу и за пределами эпохи Лермонтова, адресуясь любому читателю, чувствующему в себе искру пророческого дара. Таким образом, финальные стихи становятся не просто лирическим восклицанием, а экзистенциальным вызовом, обращенным к человеческой совести во все времена.

В процессе работы над стихотворениями «Кинжал» и «Поэт» Лермонтов движется от конкретики к универсальному. В черновике стихотворения «Кинжал» много единичных подробностей, детализации эмоционального состояния лирического героя и изображаемой героини, в черновых варианта стихотворения «Поэт» акцентируются детали, связанные с историей кинжала как реального предмета. В окончательных редакциях

обоих стихотворений детали присутствуют, но при этом конкретность нивелируется — они не просто становятся частью бытовой истории, но выходят в символическое измерение. И если в «Кинжале» идея поэтического слова как «меча духовного» выступает на уровне символико-аллегорического подтекста, то в двухчастной структуре лермонтовского «Поэта» первая фабульная часть обнажает своего рода феноменологию вещи, тогда как вторая являет развернутую метафору слова как «меча духовного», причем поэтический образ кинжала в его уподоблении поэтическому слову строится так же, как в средневековой словесности, где «сама метафора очень часто оказывается одновременно и символом» [Лихачев: 180]. Актуализация библейских аллюзий в поэтическом диптихе Лермонтова придает поэтическому слову онтологическое звучание, раскрывая пророческое предназначение поэта.

Список литературы

1. Алпатова Т. А. «Кинжал» («Люблю тебя, булатный мой кинжал…») (1838) // М. Ю. Лермонтов: энцикл. словарь / гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 221–222.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с. EDN: VQMUFP
3. Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (10.08.2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF
4. Зырянов О. В. Еще раз о лермонтовском «Пророке» (к проблеме кластерного похода к лирическому интертексту) // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 40–53 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19403359_25777413.pdf (10.08.2026). EDN: QIPRYJ
5. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582890894.pdf (10.08.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. EDN: GXENEL
6. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (117). С. 45–58

[Электронный ресурс]. URL: https://rcsi.science/upload/medialibrary/eef/nqpy2qhmcvwtqrnq9gkiatv1co2dze0k/RFBR_2(117)2024_45-58.pdf (10.08.2026). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. EDN: HKYESS

7. Крутова М. С. Метафоры и символы в названиях рукописных книг XIV–XIX в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 54–56 [Электронный ресурс]. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s3_29_1.pdf (10.08.2026). EDN: WFCSVB
8. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / ред. текста и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2: Стихотворения, 1836–1841. 278 с.
9. Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред.: Н. Ф. Бельчиков и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2: Стихотворения, 1832–1841. 386 с.; 1957. Т. 6: Проза, письма. 900 с.
10. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкин. Дома, 2014. Т. 1: Стихотворения, 1828–1841. 776 с.
11. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1971. 414 с.
12. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова / АН СССР; отв. ред. Г. М. Фридлендер. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с. [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/lermont/critics/mpl/mpl-001-.htm?cmd=p (10.08.2026).
13. Матушек Е. Ю. «Западники», грекофилы и традиционалисты как читатели «Меча духовного» Лазаря Барановича // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 17–24 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15557199_70359933.pdf (10.08.2026). EDN: NCLKCB
14. Миллер О. В. «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал…») // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 441.
15. Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 240–245 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26083954_71855447.pdf (10.08.2026). EDN: VYURHZ
16. Москвин Г. В. О духовных смыслах стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» // Отечественная филология. 2025. № 6. С. 90–99 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/2652/1998 (10.08.2026). DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-90-99. EDN: ZMMANY
17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837–1937: в 16 т. / ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2: Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. Кн. 1. 606 с.
18. Спиваковский П. Е. Пророк и его власть: о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал…») // Вестник РГГУ.

Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 9. С. 56–65 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_83185310_84927804.pdf (10.08.2026). DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65. EDN: SJLRSI

19. Ходанен Л. А. Ранняя лирика М. Ю. Лермонтова в библейском контексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 62. С. 41–49 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53977234_80420663.pdf (10.08.2026). DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49. EDN: KYFDRQ
20. Шевцова Л. И. «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал…») (1837) // М. Ю. Лермонтов: энцикл. словарь / гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 397–398.
21. Эйхенбаум Б. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 3–82 [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-003-.htm (10.08.2026). (Сер.: Лит. наследство; т. 43/44.)
22. Ямадзи А. Стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Болдинские чтения: 2018: [сб. ст.]. Болдино: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 140–145 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35637600_14223916.pdf (10.08.2026). EDN: ZCXQHO

References

1. Alpatova T. A. “The Dagger” (“I Love You, My Steel Dagger…”) (1838). In: *M. Yu. Lermontov*: *entsiklopedicheskiy slovar’* [*M. Yu. Lermontov*: *Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 221–222. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. EDN: VQMUFP (In Russ.)
3. Gulin A. V. Heavenly Angel of Mikhail Lermontov (Spiritual Experience as a Creative Category). In: *Dva veka russkoy klassiki* [*Two Centuries of Russian Classics*], 2023, vol. 5, no. 1, pp. 6–35. Available at: https://rusklassika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF (In Russ.)
4. Zyryanov O. V. Once More of Lermontov’s “The Prophet” (to the Problem of Cluster Approach to Lyric Intertext). In: *Ural’skiy filologicheskiy vestnik. Ser.*: *Russkaya klassika*: *dinamika khudozhestvennykh sistem* [*Ural Journal of Philology. Ser.*: *Russian Classic*: *The Dynamics of Artistic Systems*], 2013, no. 1, pp. 40–53. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19403359_25777413.pdf (accessed on August 10, 2026). EDN: QIPRYJ (In Russ.)
5. Kiseleva I. A. “The Prophet” by A. S. Pushkin (1826) and “The Prophet” by M. Yu. Lermontov (1841): A Comparative Semantics of the Motifs. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582890894.

pdf (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. EDN: GXENEL (In Russ.)
6. Kiseleva I. A. Mikhail Lermontov as Alexander Pushkin's Spiritual Successor. In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [*Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*], 2024, no. 2 (117), pp. 45–58. Available at: https://rcsi.science/upload/medialibrary/eef/nqpy2qhmcvwtqrnq9gkiatv1co2dze0k/RFBR_2(117)2024_45-58.pdf (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. EDN: HKYESS (In Russ.)
7. Krutova M. S. Metaphors and Symbols in the Titles of Manuscript Books from the 14th to the 19th Century. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2007, no. 3 (29), pp. 54–56. Available at: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s3_29_1.pdf (accessed on August 10, 2026). EDN: WFCSVB (In Russ.)
8. Lermontov M. Yu. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 5 tomakh* [*The Complete Works*: *in 5 Vols*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 2: Poems, 1836–1841. 278 p. (In Russ.)
9. Lermontov M. Yu. *Sochineniya*: *v 6 tomakh* [*Works*: *in 6 Vols*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 2: Poems, 1832–1841. 386 p.; 1957, vol. 6: Prose, Letters. 900 p. (In Russ.)
10. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy*: *v 4 tomakh* [*The Collected Works*: *in 4 Vols*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 1914, vol. 1: Poems, 1828–1841. 776 p. (In Russ.)
11. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [*Poetics of Ancient Russian Literature*]. 2nd ed., revised. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 414 p. (In Russ.)
12. Maksimov D. E. *Poeziya Lermontova* [*Poetry of Lermontov*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 266 p. Available at: https://feb-web.ru/feb/lermont/critics/mpl/mpl-001-.htm?cmd=p (accessed on August 10, 2026). (In Russ.)
13. Matushek E. Yu. The Perception of "Mech Dukhovny" (1666) of Lazar Baranovyc by "Westernizers," Greek-Lovers, and Traditionalists. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal* [*The Journal of Literary History and Theory*], 2011, no. 28, pp. 17–24. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15557199_70359933.pdf (accessed on August 10, 2026). EDN: NCLKCB (In Russ.)
14. Miller O. V. "The Poet" ("My Dagger Glitters with Gold…"). In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [*The Lermontov Encyclopedia*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981, p. 441. (In Russ.)
15. Moskvin G. V. The Prophet: Mystery of Transformation and Thirst of Origin (Prophetic Theme in Pushkin's and Lermontov's Poetry). In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*], 2016, no. 2, pp. 240–245. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26083954_71855447.pdf (accessed on August 10, 2026). EDN: VYURHZ (In Russ.)

16. Moskvin G. V. On the Spiritual Meanings of M. Yu. Lermontov's Poem "Borodino". In: *Otechestvennaya filologiya* [*Russian Studies in Philology*], 2025, no. 6, pp. 90–99. Available at: https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/2652/1998 (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-90-99. EDN: ZMMANY (In Russ.)
17. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy, 1837–1937*: *v 16 tomakh* [*The Complete Works, 1837–1937*: *in 16 Vols*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947, vol. 2: Poems, 1817–1825. Lyceum Poems in Later Editions, part 1. 606 p. (In Russ.)
18. Spivakovskiy P. E. The Prophet and His Power: On Mikhail Lermontov's Poem "The Poet" ("My Dagger Glitters with Gold…"). In: *Vestnik RGGU. Ser.*: *Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [*RSUH/RGGU Bulletin. Ser.***:** *Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies*], 2025, no. 9, pp. 56–65. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_83185310_84927804.pdf (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65. EDN: SJLRSI (In Russ.)
19. Khodanen L. A. Early Lyrics of M. Yu. Lermontov in a Biblical Context. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*], 2023, no. 62, pp. 41–49. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53977234_80420663.pdf (accessed on August 10, 2026). DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49. EDN: KYFDRQ (In Russ.)
20. Shevtsova L. I. "The Poet" ("My Dagger Glitters with Gold…) (1837). In: *M. Yu. Lermontov*: *entsiklopedicheskiy slovar'* [*M. Yu. Lermontov*: *Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 397–398. (In Russ.)
21. Eichenbaum B. Lermontov's Literary Stance. In: *M. Yu. Lermontov.* Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, book 1, pp. 3–82. Available at: https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-003-.htm (accessed on August 10, 2026). (Ser.: Literary Heritage; vol. 43/44.) (In Russ.)
22. Yamaji A. "The Prophet" by A. S. Pushkin and "The Prophet" by M. Yu. Lermontov. In: *Boldinskie chteniya*: *2018*: *sbornik statey* [*Boldino Readings*: *2018*: C*ollection of Articles*]. Boldino, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Publ., 2018, pp. 140–145. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_35637600_14223916.pdf (accessed on August 10, 2026). EDN: ZCXQHO (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Киселева Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения (ул. Фридриха Энгельса, 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9629-0035; e-mail: irina-sever03@yandex.ru.

Irina A. Kiseleva, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, State University of Education (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9629-0035; e-mail: irina-sever03@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.10.2026
Принята к публикации / Accepted 30.10.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026